

К половине второго Юра очутился в раене "красных фонарей". Такой поздний час - разгар работы отелей любви, чьи яркие вывески слепили парню глаза.

Изредка под самыми зданиями встречались ему медленно бредущие куда-то парочки. Среди них не нашлось ни одного трезвого мужчины. Юра это заметил и долго держал в голове главенствующей мыслью.

Он лобзал думы о пьяницах, пока не заметил где-то у входа в один из отелей одинокую молодую девушку в вызывающем наряде. Право, проститутка?

Новый порыв горячо охватил его сердце. Он двинулся к девушке, протягивая, между тем, руку к карману, за деньгами.

Почти достигнув цели, когда на парня уже обратили внимание, он вступил в лужу. Юра опустил голову к земле и обнаружил совершенно незаметное ему ранее. В лужу падали мелкие капли, оставляя маленькие круги, которые быстро растворялись. Дождь был раза в два сильнее грибного, но ему не хватало какой-то силы. Не предназначенная для защиты от воды одежда почти не промокла.

Между прочим, Юра не нашел денег.

Пройдя уже метров тридцать от девушки, он вдруг как бы что-то припомнил, как бы что-то внезапно сообразил, очень странное. Оно беспокоило его уже, кажется, давно, да только сейчас, кажется, этому было какое-то практичное применение.

И Юра начал вспоминать. Он вспомнил одинаковые раены окраины города, застроенные безвкусами многоэтажками, вспомнил и сгоревшее здание, огражденное лентой, и круглосуточный магазин со сленговым пошлым названием, и не шедший общей картине новострой. Наконец, в воспоминаниях, парень воротился к мосту. Он смутно припомнил бурные потоки грязной воды и даже померещавшуюся в них картину. Но все это было не то.

Дальше он вспомнил холодные перила. И тут Юра, наконец, осознал. Эти самые перила, такие холодные, так ярко сверкающие под лунным светом - не из серебра ли они? Дома у парня имелась серебряная чайная ложка, и она совершенно не имела от них отличий внешне. Кроме того, хорошо известно, что серебро быстро реагирует на температуру окружения; а какими холодными были перила в эту прохладную ночь!

Сомнений не осталось. Но только насчет того, что в воспоминаниях фигурирует серебро.

Парню захотелось теперь непременно проверить: действительно ли он сжимал руками, всего с полчаса назад, отлитые из серебра поручни, не померещилось ли, не спутал ли он чего? Юра резко развернулся, и быстрым шагом, чуть не бежа, двинулся в обратном направлении.

Он не мог четко вспомнить обратный путь, но понимал, что идти нужно вниз по улице. В конце концов, он как-то вышел к реке и пошел вдоль нее, вверх по течению.

Дождь шпарил уже сильнее, на улицу опустился мрак: за десять метров ни видно ни зги. К Юре, вдруг, пришло некое осознание. Разве в наш век оплачивают разные услуги на улице серебром? К тому же, за ночь Юре никак не добыть эти самые перила.

Прошла половина часа с момента, как Юра ступил в лужу. Дождь сделался совсем уже ливнем. Легкие кроссовки совершенно измокли и чувствовались мокрыми тряпками, обволакивающими ноги. Парень шел, почти в тоске смотря на еле заметное здание справа. Ему вздумалось

обернутся; обернулся. Вот этот мост, он нашел его наконец! Он прошел уже шагов пять от него, чуть не упустил.

Юра бросился к мосту, взбежал на него и жадно ухватился руками за поручни. Все такие же холодные, даже холоднее чем прежде. Жадный взгляд опустился на куски металла.

Но что это? Юра сжимал в руках самые обычные поручни, покрашенные в темно-зеленый.

Он бросился к другой стороне моста, но там было тоже. Юра несколько раз прошел вдоль поручней с обеих сторон, разглядывая и ощупывая их, но ничего необычного не обнаружил. Тогда он сдер с одного места краску ногтем, дальше еще два слоя с прошлых покрасок, и обнаружил ржавый металл. Совсем не похоже на чайную ложку из дома!

От досады Юра снял кроссовок, что доставлял кучу неудобств последние время, и крикнув: "Тряпка!", бросил его в реку. За первым полетел и второй. Как без них удобно.

Парень сошел с моста и пошел дальше гулять по городу. Уже спустя пять минут ноги в одних носках совсем замерзли: пальцы еле шевелились, мизинец онемел и не чувствовался. Руки тоже замерзли, но Юра неистово тер их, сжимал - разжимал, дышал на них.

Спустя еще пятнадцать минут, Юра стоял у вокзала и глядел на рекламную вывеску какой-то клиники. Дождь не прекращался. Одежда промокла насквозь. Юре было очень жарко, он чувствовал, будто горит. Новое стремление захватило его. Он хотел сесть на поезд и ехать к Морухине - старому другу его отца, с которым он недавно имел неприятный разговор. Должно было выясниться, в первую очередь, насчет отношений Морухине с Анной. В глубине души Юра верил в честность старого друга семьи, да и доказательств постыдной связи не представлялось.

Юра, было, двинулся к вокзалу, но окружение сделалось красным, все поплыло. Это продлилось, может быть, секунду. Затем сознание его угасло мгновенно, и наступил полный мрак.